

ДВА МІРА

Евразійство заключаетъ въ себѣ зерно стремленія къ истинѣ обще-философской. Но примѣнительно къ евразійству законенъ и понятенъ также иной вопросъ: вопросъ объ отношеніи выработаннаго круга мыслей къ бурно-текущему, кипящему потоку современности. Въ данномъ поворотѣ евразійство сводится къ стремленію осознать и осмыслить совершающійся и совершившійся выходъ Россіи изъ рамокъ современной европейской культуры. — Въ эту краткую формулу укладывается содержаніе значительной части развертывающагося историческаго процесса... Въ то же время евразійство есть попытка истолковать этотъ выходъ, съ точки зрѣнія исторической философіи, которую оно приѣмлетъ. Для философіи этой, зарожденіе, развитіе, умираніе культуръ суть внятные непреложные факты; въ воспріятіи этомъ судьбы индивидуальной культуры столь же ощутительны и живы, какъ и судьбы индивидуальной личности, хотя бы, — какъ общество надъ личностью, — существовала надъ отдѣльными куль-

турами и некоторая объединяющая черта... Восприятие это не утверждает всестороннего сходства между судьбами культуры и судьбами личности; не означает притяжения «натуралистического» или «органического» взгляда на общество. Смысл этого восприятия, — что оно утверждает действительное бытие общественно-культурных «зародков», «расцветов», «упадков»...

Чтобы понять, в каком смысле на этих страницах говорится «о выходе России из рамок современной европейской культуры», нужно обратиться к русскому прошлому, хотя бы недавнему. — В русском XIX-ом веке явственно различимы два обособленных преемства. — Одно обнимает занимающуюся в 30—40-ых годах зарю русского религиозного творчества. Рождаясь из идрей и быстрого древнего духа, с трудом преодолевая покровы окружающей среды, — религиозное озарение вспыхивает в позднем Гоголе, славянофилах. Окружающее не властно заглушить лучи. Брезжущий свет разгорается в творчестве Достоевского, Владимира Соловьева и тех, кто был и есть с ними. Как наследие XIX-го века, Россия обрывает достоинство нравственно-совестной и богословской мысли, достоинство, истинно составляющее, в выборе и сопоставлении, — канон книг русских учителей... В области живописи русский XIX-ый век дает два явления, которые были бы непонятны, взятые в них самих: настолько они не связаны с окружающей их средой! Эти явления: — Александр

Иванов, как автор эскизов на библейские темы, и Михаил Врубель, как мастер фресок Киевского Кирилловского монастыря... В этих двух художниках заложен существеннейший смысл судеб русской — одной ли русской? — живописи XIX-го века. Сколь ни были, в ином, ошибочны и превратны увлечения обоих, — только в сопоставлении с религиозно-нравственным и богословским «двигателем» Гоголя, Хомякова, Леонтьева, находят место, раскрывают значение замышленное ими творенье. В развитии «европейской» культуры, в предвзвесах XIX-го века, — та совокупность писаний, которую мы именуем: «канон книг русских учителей», так же, как явление Иванова-Врубеля, по стилю и сущности, не имеет подобий... Зато имеет подобия иное преемство, сказывающееся в судьбах русской культуры: преемство, начатое просветителями — обличителями XVIII-го и первой половины XIX-го века, идущее, через Добролюбова, Писарева, Михайловского, к просветителям-правителям большевистской эпохи; преемство позитивного мировоззрения, идолопоклонства «наук», преемство не скепсиса только, а «нигилизма» в отношении к «вигнаучным» началам человеческого бытия; преемство не улыбки авгуров, но громкого смеха кощунственных...

Скажут, быть может: «два различных направления общественной мысли»; сказав, ошибутся: не два направления, но два разных исторических образования, два раздельных исторических мира!... К первопроевдникам христианства, к истокам, начальным моментам вели-

каго историческаго цикла уводять проникающіе Хомякова и Достоевскаго, Леонтьева и Соловьева паѣсть и озареніе. Къ позднимъ временамъ невѣрія (эпикурейскаго или коммунистическаго, безразлично), въ періоды «просвѣщенія», — достояніе убывающихъ культуръ, — ведутъ міровозрѣнія нигилистически-«научныя»... Противорѣчивое, причудливое сочетаніе: сочетаніе начала и конца, ранняго и поздняго, открывающаго и завершающаго. Весь онъ таковъ — русскій XIX-ый вѣкъ: красочный и двойственный, внѣшне спокойный, внутренне напряженный, отображающій борьбу спорящихъ другъ съ другомъ о господствѣ подземныхъ, вулканическихъ силъ...*)

II

Въ судьбахъ русскаго XIX-го вѣка невѣріе и истина «просвѣщенія» навѣяны, преподаны со сто-

*) Эта двойственность, этотъ споръ не тускнѣетъ, не ослабѣваетъ и теперь — въ началѣ втораго десятилѣтія XX-го вѣка. Вдумайтесь въ сочетаніе проповѣди безвѣрія, опредѣленій и ласкъ, чѣмъ когда либо, ведомой большевиетскими верхами и тѣми, кто къ нимъ примкнулъ, — съ явленіями религіознаго подъема, охватившаго не только интеллигенцію... Совѣтельство формъ раннихъ и позднихъ, открывающихъ и завершающихъ, съ большою ясностью сказывается, напр., въ области поэзіи: съ одной стороны, элементы подлиннаго религіознаго міроощущенія (Ахматова! нѣкоторые стихотворенія Гумилева въ сборникѣ «Огненный Столпъ» 1921! Вячеславъ Ивановъ въ «Перепискѣ изъ двухъ угловъ!»); съ другой, — расцвѣтъ «разработкѣ поэтики, въ смыслѣ словесной техники стихосложенія, «разработкѣ» въ значительной мѣрѣ пренебрегающей смысловымъ началомъ поэзіи и относящейся, въ исторической аналогіи, къ формамъ дѣйствительнаго «александрійства...» (ср. стиховыя ухищренія латинской и греческой поэзіи IV—V вѣковъ по Р. X.)

роны. Слѣдую примѣру «старшихъ», сладостно стало «не вѣрить»; «старшіе» нашептали, что Бога не надобно, а надобна препарированная лягушка и критика просвѣщеннаго ума... — Съ обстоятельствами подобной зависимости плохо, казалось бы, согласуется непереложное, на нашъ взглядъ, признаніе, что уже въ древней, до-петровской Руси существовала своеобразная цѣнная культура. Но нужно помнить, что явленіе русскаго просвѣтительства-обличительства создано въ обстановкѣ устраниенія, забвенія преемства, взгляда на «Европу», какъ безраздѣльную законодательницу и «госпожу». Именно въ рамкахъ этого отношенія, въ обстановкѣ добровольно принятаго на себя «младенчества» духа, — привитіе въ русскую духовную жизнь началъ позитивизма-нигилизма-материализма выступаетъ, какъ подлинное совращеніе «малыхъ сихъ», расцвѣтіе старчествомъ — юности, успѣхъ старцевъ, соблазнявшихъ Сусанну... Въ этомъ — субъективная сторона вопроса. Объективная его сущность — въ вовлеченіи Россіи на пути европейскаго развитія, въ поставленіи Россіи въ тотъ же историческій планъ, въ которомъ двигалась Европа, въ преподаніи ей, въ качествѣ исторической и жизненной правды, положеній, вытекшихъ изъ предшествующаго развитія Европы (Возрожденіе! расцвѣтъ науки! рационалистическій деизмъ!), но не обусловленныхъ развитіемъ Россіи... — Каково же, въ этой перспективѣ, мѣсто произошедшей русской революціи? — Въ качествѣ попытки сознательнаго осуществленія коммунизма, этого отпрыска «европейскихъ развитій» — русская революція есть

вершина, кульминационный пункт описаннаго «вовлеченія» и «преподанія». Въ то же время въ судьбахъ русской революціи обнаруживается величайшая contradiction historique: построенная въ умыслѣ, какъ завершеніе «европеизаціи», революціи, какъ осуществленіе фактическое, означаетъ выпаденіе Россіи изъ рамокъ европейскаго бытія. Какъ умыслъ, русская революція есть осуществленіе предлагаемаго къ Россіи европейскаго «просвѣтительства-обличительства». Какъ фактъ, она — не только крушеніе коммунизма, но устраненіе, уничтоженіе базы также другихъ, помимо коммунизма, «просвѣтительно-обличительскихъ» направленій. — Революція выражается и связывается съ чрезвычайно существеннымъ, многостороннимъ измѣненіемъ объективной обстановки. Измѣненіе это охватываетъ равномерно идеологическое, хозяйственное и политическое бытіе.

1. Примыканіе русскаго интеллигентскаго сознанія къ западно-европейской культурѣ основывалось, между прочимъ, на созданномъ русскими подражательными усиліями тождествѣ или сходствѣ «быта». Если въ отношеніи жизненнаго уклада Москва и Петербургъ отличались чѣмъ либо отъ Парижа и Лондона, то главнымъ образомъ тѣмъ, чѣмъ провинція, хотя бы «преуспѣвающая», можетъ отличаться отъ столицы... Нынѣ «быть» рухнулъ; русскіе интеллигенты воистину поставлены внѣ «быта»; они ведутъ «загробное существованіе» — безразлично, скитаясь по свѣту или оставаясь въ

Россіи. И образы міра, невидимые взору, прикрытому пленкою «быта», — выступаютъ, вѣщая «о тайнахъ вѣчности и гроба», предъ духовными ихъ глазами... Находятся ли они среди «европейцевъ», находятся ли вдали отъ «Европы»: можетъ ли ихъ психологія оставаться привычною европейскою? — Въ обстановкѣ заграничнаго «разсѣянія», мѣстами и временами, среди окружающихъ населеній, русскіе изгнанники — какъ выходцы «съ того свѣта», какъ жители иныхъ планетъ; мѣстами и временами, среди сѣрой тоски обычнаго, страдальчески зажженные, они — какъ факелы, пылающіе во тьмѣ...

2. Въ частности, въ смыслѣ экономическомъ, Россія ввержена въ нѣкіе стихійные, неожиданные процессы. Коммунистическая революція мыслилась, какъ завершеніе капитализма; какъ высшее напряженіе промышленно-городского существованія, какъ перемѣна «правовой надстройки» надъ базой сложившагося капитализма. Въ русской же практикѣ коммунистическая революція оказалась разрушеніемъ не очень развитого, но сложившагося въ «европейскомъ» обличіи русскаго капитализма, оказалась возвращеніемъ къ состояніямъ, гораздо болѣе первоначальнымъ... Что это значить? — Сложившійся капитализмъ и тѣмъ болѣе социализмъ, если онъ начнетъ «осуществляться», — суть формы «позднія», имѣющія не мало шансовъ явиться зенитомъ, быть можетъ, началомъ упадка, «александрійствомъ» европейскаго міра... Но именую себя «соціалистической», Россія, въ судьбахъ революціи, опредѣленнѣе, чѣмъ «буржуазныя» страны, отклонилась, ушла отъ социализма. Въ

гораздо большей степени, чѣмъ пятилѣтіе передъ тѣмъ. Россія стала деревенской. Въ порядкѣ же процессовъ «капиталистическихъ», — оказалась въ стадіи «первоначальнаго накопленія». Насколько мы можемъ представить себѣ социальныя формы современнаго русскаго уклада, — мы видимъ въ немъ, въ перспективѣ историческихъ сближеній, черты ранняго капиталистическаго строя (чего то въ родѣ капиталистическаго Sturm und Drang Periode англійскаго XVIII вѣка), строя, только что складывающагося, съ беззащитными «рыцарями наживы» въ качествѣ «героевъ времени», съ неограниченно долгою продолжительностью рабочаго дня, низкими заработками рабочихъ. И эти черты сочетаются съ чертами чуть ли не «ранняго средневѣковья». Иной не подыщешь аналогіи произошедшему въ Россіи, превращенію многого, что было «городскимъ», — въ «деревенское», «опрощенію» жизни, возросшему значенію общины. Во всякомъ случаѣ, до «александрійства» очень и очень далеко. Если въ смыслѣ экономическомъ Россію дореволюціонную можно сопоставлять съ «Европой», нынѣ она оказывается въ иной исторической плоскости. Возможно, что измѣненія эти, дѣлая русскій хозяйственный строй болѣе «первобытнымъ» и тѣмъ самымъ — менѣе устойчивымъ въ отношеніи чужестранныхъ воздѣйствій, скажутся, на долго, на коротко ли, неблагоприятнымъ образомъ на экономической самостоятельности страны. Но возможно также, что смѣна «позднихъ» экономическихъ формъ строемъ болѣе «ранняго» склада выступитъ въ опредѣленный моментъ потенціей положитель-

ной: можно думать, что смѣна эта — не только знакъ разрушенія, но выявленіе дремавшихъ энергій и въ качествѣ такового — предвареніе всплеска русской предпримчивости и силы. Русская предпримчивость, русское хозяйственное напряженіе живо ощущались въ нѣдрахъ русской національной стихіи; но ощущались, какъ возможность, не вполне и не достаточно осуществлялись, какъ фактъ. Потрясенія и разрушенія, видоизмѣняя общество, содѣйствуя выдѣленію новыхъ слоевъ, — не явятся ли факторомъ осуществленія, воплощенія возможностей?: но не тѣхъ возможностей, что открыты передъ «Европой» XX-го вѣка, но возможностей иного историческаго строя, иной исторической среды...

3. Въ области политической русская революція есть увяданіе, устраненіе дѣйственности не успѣвшей получить развитія русской либералистической идеи. Въ томъ видѣ, какой она являетъ сейчасъ, — русская революція есть утвержденіе «деспотизма». «Деспотизмъ» можетъ сочетаться съ любыми техническими формами управленія, въ томъ числѣ съ формами «представительства»; отличительно, что при «деспотизмѣ» источникомъ власти выступаетъ милость Нездѣшная, а не «милость народная». Царская власть и совѣтская, въ этомъ смыслѣ, подобны другъ другу, хотя бы послѣдняя и опиралась на «милость сатаны»... Большевизмъ означаетъ собою кризисъ парламентаризма; благодаря волевой упругости большевизма, затруднено, почти невозможно противоборствованіе ему на путяхъ идеологіи «парламентарной». И

весьма вѣроятно, что «деспотизмъ» большевистскій можетъ смѣниться только «деспотизмомъ» инымъ.

Устоявшемуся европейскому быту противостоитъ разрушеніе, формированіе быта. «Позднему» капитализму противостоитъ эпоха «первоначальнаго накопленія». Парламентскому строю противостоитъ «деспотизмъ». — Таковы реальные формы, въ которыхъ совершается выходъ Россіи изъ рамокъ европейской культуры, ея выпаденіе изъ нихъ... Когда-то при видѣ разстоянія, отдѣляющаго Россію отъ Европы, говорили объ «отсталости». Теперь, въ основномъ и важнѣйшемъ, не объ «отсталости» идетъ рѣчь; но о возникновеніи разрыва между плоскостями, въ которыхъ движется Россія и Европа, объ отдѣленіи, противопоставленіи русской судьбы — судьбамъ Европы... Изъ коммунистической «европеизаціи» вырастаетъ стихійная «варваризація» Россіи. И чѣмъ глубже новоявленное «варварство», тѣмъ неуклоннѣе, яснѣе раскрывается подлинный «стиль», подлинное знаменіе эпохи: знаменіе обособленія и выдѣленія вновь являющейся культуры, на фонѣ ослабленія, оскудѣнія все еще властвующихъ культуръ... Пусть эта, нынѣ выдѣляющаяся культура именно теперь попадетъ подъ внѣшнее господство другихъ: обстоятельство это, заостряя противорѣчія, способно ускорить событія... Пусть суждены испытанія и тяготы тому, на чью долю выпадаетъ нынѣ — наследовать міръ; испытанія и тяготы не ослабятъ, но усилить призваны пророческій смыслъ происходящаго...

III

Въ судьбахъ русской революціи вскрываются и дѣйствуютъ стремленія и умыслы, связанные съ преемствомъ «просвѣтительства - обличительства», которое въ то же время есть преемство «европеизаціи». Въ глубинахъ душевныхъ звучать и свидѣтельствуютъ завѣты иного и русскаго преемства. И это преемство — Церкви и Вѣры. Въ его лучахъ ощущается по новому исторія и жизнь.

Исторія не «дается», но «творится». Чѣмъ шире просторы, открывающіеся нынѣ передъ Россіей, тѣмъ больше отвѣтственность, лежащая на каждомъ, соучаствующемъ въ русской культурѣ. Сами по себѣ измѣненія объективной обстановки еще не рѣшаютъ вопроса. Наслѣдовать міръ надлежитъ не жребіемъ неустранимой судьбы, но собраннымъ яснымъ дѣланіемъ, достоинствомъ души передъ Господомъ; не о наследствѣ меча и богатства свидѣтельствуютъ откровенія и слова; но о наследствѣ вдохновеній и водительства, долѣ пророчицы, ясно видца, зовущихъ, ведущихъ міръ...

Сколь ни бездушны и сколь ни поверхностны постройкіи Шпенглера, — въ «синхронистическихъ» таблицахъ его „*Untergang des Abendlandes*“ заключается доля дознанной правды. Есть нѣчто убѣждающее въ сопоставленіи, въ качествѣ исходныхъ моментовъ историческихъ цикловъ, религіознаго творчества греческой «эпохи вѣры» гомеровскихъ поэмъ, духовнаго напряженія первохристіанства, богословскаго творчества романо-германскаго средневѣковья;

съ другой стороны, есть нѣчто подлинное въ сближеніи поздней матеріалистически-этической философіи стоицизма съ фатализмомъ поздняго Ислама и съ современнымъ «этическимъ социализмомъ»... — Вопросъ ставится опредѣленно и рѣзко: въ комъ желаемъ найти предвозвѣстника пути? въ стоическихъ ли философахъ — или богословахъ первохристианства? — въ язычествѣ ли, разлагаемомъ матеріализмомъ и невѣріемъ — или религіозномъ порывѣ созидаемой Церкви?.. Преемство русскаго просвѣтительства-обличительства тяготеетъ къ первому, въ твореніяхъ нашихъ «свѣтскихъ богослововъ» вѣетъ дыханіе Второй. Наша воля и наше сознаніе поставлены предъ лицо испытаній. И этимъ испытаніемъ, — не судьбой экономической, политической, — опредѣлится доля Россіи... Въ результатѣ сплетенія побужденій, возможностей, силъ, выпадетъ историческій выборъ... Каковъ онъ будетъ — на то воля Божья. Въ предѣлахъ судьбы человеческой есть показанія и признаки, что не безвѣрье, но Церковь возобладаетъ въ судьбахъ народныхъ. Заложенное въ большевизмъ торжество невѣрія и матеріализма протекаетъ не благодаря, но вопреки духу лучшихъ сыновъ народа. Наиболѣе творческіе его сыны принадлежали не къ преемству матеріализма и невѣрія, но къ преемству православнаго учительства. Не дѣятельностью «просвѣтителей-обличителей», но въ значительной мѣрѣ литературными вдохновеніями «свѣтскихъ богослововъ», вродѣ Гоголя и Достоевскаго, — создана міровая слава русской литературы... И не кустарныя мудрствованія народниковъ

и не произведенія начетчиковъ отъ марксизма, но воззрѣнія славянофиловъ и Соловьева являются наиболѣе живыми и напряженными, наименѣе поддающимся «тлѣнію» достижениями русской исторіософской и философской мысли. Но Гоголь и Достоевскій, Соловьевъ и славянофилы возникли не въ пустотѣ; въ истокахъ творчества они рождены и питаются глубинами народной стихіи. Можетъ ли русскій народъ оставить безъ воплощенія начала и чаянія, въ которыхъ выразилось высшее напряженіе народнаго духа?... Грѣхи и ошибки неизбѣжны и многи. Въ жизни народа, одареннаго размахомъ духовныхъ исканій, они, быть можетъ, по особому неизбѣжны и особенно многочисленны. Въ настоящее время, въ грѣхѣхъ и блужданіяхъ, русскій народъ подошелъ къ предѣлу послѣднему. Но въ этомъ, вѣримъ, — залогъ возрожденія. Ибо поистинѣ должна ужаснуться душа. И на путяхъ преодоленія и просвѣтленія, вслѣдъ за высшимъ торжествомъ невѣрія, возникнетъ высшее возобладаніе Вѣры; вслѣдъ за триумфами «обличительства» — идетъ торжество Православія.

IV

Имѣетъ важность установить, къ чему долженъ стремиться, чего долженъ хотѣть поборникъ Россіи, какъ «міра новаго».

Не въ отрывѣ отъ здѣшняго обрѣтается достояніе; но въ сочетаніи напряженнаго здѣшняго дѣланья съ утвержденіемъ міра духовнаго, въ которомъ дѣланье это, получая отведенное обширное, важнѣйшее мѣсто — преклоняется, подчиняется цѣлямъ Вышняго Царства. Только дѣланьемъ, экономическимъ и административнымъ, можно среди испытаній, ниспосланныхъ Господомъ на Россію, возсоздать и укрѣпить нарушенный ладъ жизни, общественной и частной, вспомнить и осуществить слова «о лѣтѣ Господнемъ благоприятномъ»... Въ выборѣ техническихъ средствъ, въ достиженіи подобныхъ цѣлей было бы неправильно и вредно сторониться достижений и средствъ, выработанныхъ опытомъ Запада... Разрывъ историческихъ плоскостей сказывается не въ области техники; онъ сказывается въ области отношенія къ техникѣ, въ области оцѣнки значенія дѣланья экономического и политическаго. Для міровоззрѣнія, не пріемлющаго теорій историческаго матеріализма, очевидна возможность существованія, при тождественномъ техническомъ строѣ, разныхъ общественныхъ укладовъ и разныхъ идеологій. — Проблема историческихъ эпохъ есть проблема идеологическая. И *principium individuationis* новѣйшаго западно-европейскаго міра заключается, въ нашихъ глазахъ, не въ томъ развитіи, которое получили въ немъ техника, хозяйство и управленіе, но въ идеологическомъ значеніи, приписанномъ экономикѣ и политикѣ. Это значеніе сводится къ слѣдующему:

1. Въ области сужденій о сущемъ устанавливается и утверждается, что все существующее въ мірѣ

человѣческомъ, въ томъ числѣ и духовныя цѣнности, суть надстройка надъ базой, экономической или политической. Первый вариантъ воззрѣнія явственно сказывается въ философіи экономического матеріализма; второй, хотя и менѣе ясно выраженный, заключенъ въ психологін «воинствующаго политицизма».

2. Въ области сужденій о должномъ выставляется положеніе, что проблема человѣческаго «счастья» затрагивается и разрѣшается исключительно въ предѣлахъ устройства экономического и политическаго.

Этимъ сужденіямъ поборникъ Россіи, какъ «міра новаго», имѣеть противопоставить взгляды «подчиненной экономики» и «подчиненнаго права»:

1. Основная посылка философіи «подчиненной экономики» и «подчиненнаго права» гласить, что причины, касающіяся хозяйства и государственно-правового устройства, имѣють ограниченную область приложенія. Важнѣе всего, что изъ этой области изъемяются «вышнія», «конечныя» цѣнности... Экономическій матеріализмъ являлся попыткой утвердить эти цѣнности въ области и понятіяхъ хозяйственной жизни; марксова трудовая теорія цѣнности сводилась къ «обожествленію» физическаго труда. Воззрѣніе воинствующаго политицизма обрѣло тѣ же цѣнности въ «правовомъ государствѣ», «демократическомъ» строѣ. Сколько-бъ ни называли себя создатели этихъ ученій дѣятелями, поборниками «науки», — они являлись метафизиками и при томъ

метафизиками метафизики «злой»: ибо то, что отъ «нижнихъ», они допускали въ міръ «вышній» — изъ чего истекло угасаніе духа; и не только это, но и заблужденія въ сферѣ эмпирической науки: допуская понятія хозяйства и государства въ сферу «вышняго» міра, — они вносили въ экономическое знаніе, въ государство — и правовѣдніе элементъ разрѣшенія основныхъ, «конечныхъ», вопросовъ существованія, вопросовъ, неразрѣшимыхъ иначе, какъ на путяхъ метафизики; однако-жь, дѣятели «науки» — они желали и здѣсь умотрѣть эмпирическія «причины». Тѣмъ создавалось причудливѣйшее смѣшеніе эмпирики и метафизики, подлинное извращеніе науки, какъ ученія эмпирическаго... Только признаніемъ ограниченности круга воздѣйствія экономическихъ и политическихъ причинъ, отказомъ отъ разрѣшенія въ нихъ «конечныхъ» вопросовъ существованія утверждается возможность послѣдовательно эмпирическаго хозяйственнаго и политическаго знанія. Только изгнаніемъ экономики и политики, — торгующихъ во храмѣ, — больно бьющимъ бичемъ, изъ міра «вышнихъ» создается просторъ для «благой метафизики». «Благая метафизика» — это сфера, гдѣ находятся въ установленномъ равновѣсіи міры «вышнихъ» и «нижнихъ», религиозно-философской цѣнности и экономическаго, и политическаго дѣйствія, гдѣ хозяйство и право утверждены во всей широтѣ жизненнаго значенія, но гдѣ, въ отношеніи къ цѣностямъ «конечнымъ» и «вышнимъ», хозяйство и право суть цѣнности «подчиненныя»... «Благая метафизика» — это область,

гдѣ царствуетъ мѣра, столь чудесно и вдохновенно преисполняющая относящіяся къ «вышнимъ» и «нижнимъ» откровенья, ученья Евангелія...

2. Философія «подчиненной экономики» и «подчиненнаго права» предполагаетъ признаніе, что исключительно въ области религіозной можетъ быть разрѣшена — поскольку она вообще разрѣшима! — проблема человѣческаго «счастья». Благополучіе хозяйственное и государственное есть не болѣе, какъ условіе, само по себѣ безсильное разрѣшить проблему...

Воспринимаемая возрѣнія «благой метафизики» или — что то же — проникаясь взглядами «подчиненной экономики» и «подчиненнаго права», мы поставляемъ себя въ традицію русскаго религіознаго творчества: дѣйствіе въ хозяйствѣ и государствѣ разрѣшается и освѣщается озареніемъ религіознымъ... Религія, призванная, въ живомъ единствѣ, питать, преисполняя смысломъ, совокупность соціальнаго бытія, не можетъ быть мертвенной схемой, вынуждаемой Разумомъ формулой Богопризнанія... Религія есть исповѣданіе догматовъ; она исполнена чувствомъ ихъ значительности и смысла; она — живое чутье Богооткровенья, выдѣляющее главное отъ не главнаго, но твердо держалщее все. Религія — это трепеть; трепеть души передъ Господомъ, трепеть почитанія передъ Символомъ, Тайнствомъ, даже знакомъ имени Христа... Религія — единство, сопрягающее живыхъ и мертвыхъ, прошлое, настоящее и будущее. Въ свѣтѣ религіи познается національность; въ немъ

«святая Русь» ощущается, какъ «предъ-исторія»; религиозное бorenіе XIX-го вѣка, — какъ начало, осуществляемое во времени трудномъ; и познается, что напряженіемъ и вѣрою большее дано свершить впереди...

Петръ Савицкій

РЕФОРМА, РЕФОРМАЦІЯ И ИСПОЛНЕНИЕ ЦЕРКВИ

Помѣщеніе въ «евраійскомъ» сборникѣ послѣдующаго трактата А. В. Карташева требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній. Трактатъ представляетъ собою наложеніе устной рѣчи, произнесенной 28 февраля 1916 года въ собраніи Петроградскаго Религіозно-Философскаго Общества. Рѣчь эта завершала обсужденіе вопроса о реформѣ Церкви, которому посвященъ былъ въ Религіозно-Философскомъ Обществѣ академическій 1915—16 годъ. — Какъ видитъ читатель, въ происхожденіи своемъ трактатъ не связанъ съ «евраійскою» группой, составившейся въ 1921 году. А. В. Карташева, человека старшаго, по отношенію къ намъ, поколѣнію, отдѣляетъ отъ насъ цѣлый рядъ политическихъ и «тактическихъ» расхожденій. Но тѣмъ цѣннѣе для насъ схождение съ нимъ въ вопросахъ богословско-идеологическихъ. Мы глубоко чувствуемъ правильность данныхъ А. В.